

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarov Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-1>

УДК 902.01

Еньшин Д.Н. *, Скочина С.Н., Илюшина В.В.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru (Еньшин Д.Н.); Sveta_skochina@mail.ru (Скочина С.Н.);
vika_tika@mail.ru (Илюшина В.В.)

КОМПЛЕКСЫ С ПЛОСКОДОННОЙ КЕРАМИКОЙ НАЧАЛА VII тыс. до н.э. ПОСЕЛЕНИЙ МЕРГЕНСКОГО АМР (НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ)

Представлены результаты анализа материальной культуры наиболее ранних общин неолита Нижнего Приишимья (Западная Сибирь, поселения Мергень 3, 7, 8): керамика, камень, домостроительство, хронология. Установлен хронологический приоритет перед комплексом поселения Мергень 6, в гончарстве — связь с его керамической группой I (боборыкинская). Сделано предположение о синхронности проанализированных комплексов с барабинскими поселениями раннего неолита (барабинская культура неолита).

Ключевые слова: *ранний неолит, Западная Сибирь, Мергень, плоскодонные керамические комплексы.*

Появление новых материалов раннего неолита на территории Западной Сибири стало знаковым событием в изучении финала эпохи камня. Комплексы с плоскодонной посудой Барабы (Тартас-1, Усть-Тартас-1, Венгерovo-2, барабинская неолитическая культура по В.И. Молодину и др.) датированы в широком диапазоне и маркируют вероятное начало процесса неолитизации уже с рубежа VIII–VII тыс. до н.э. [Молодин и др., 2020]. Это послужило своеобразным триггером для нового обращения к уже известным раннеолитическим коллекциям с плоскодонной посудой Зауральско-западносибирского региона (см., например, материалы научно-практического семинара «Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите Зауралья и Западной Сибири: типология, технология, хронология, генезис», г. Екатеринбург, 16–19 марта 2020 г.). Сфокусированный взгляд на феномен ранней плоскодонной керамики неолита позволил исследователям очертить контуры возможной западносибирской общности, в рамках которой существовали коллективы со сходными гончарными традициями, а также поставить вопрос о соотношении открытых на сопредельных территориях комплексов с барабинской АК раннего неолита (Павлодарское Прииртышье — комплекс Борлы и другие по В.К. Мерцу; Нижнее Приишимье — комплексы Мергеновского АМР) и о правомерности применения к ним термина «боборыкинский» [Там же, с. 81]. На этом фоне вопрос о месте мергенских комплексов в системе раннеолитических материалов региона, а также о вероятности их участия в формировании «классической» боборыкинской культуры Среднего Зауралья был вновь поднят и А.Ф. Шориным [2020, с. 130–133].

Кроме того, определенным итогом обобщения современной источниковой базы по раннему неолиту становится констатация того факта, что в Зауралье и Западной Сибири присутствуют материалы, демонстрирующие, что уже на вышеобозначенной стадии совместно залегают отличающиеся (морфология и орнаментация) друг от друга керамические комплексы, как считалось ранее (в том числе на этом основании), имеющие разные хронологические позиции. Как справедливо отметил В.С. Мосин, «эти новые данные ставят следующую проблематику — как строить периодизацию неолита Зауралья? В конце VII тыс. до н.э. на некоторых памятниках Зауралья кошкинская, козловская, басьяновская, боборыкинская и гребенчатая посуда встречаются вместе в рамках одного хронологического горизонта, т.е. все типы неолитической керамики, что приводит к потере оснований для периодизации» [2021, с. 45–46]. Исследователь отмечает, что одним из основных вопросов в решении данной проблемы является определение статуса плоскодонной посуды в раннеолитических слоях: следует ли ей отказать в наименовании «боборыкинская» и относить к «барабинской»? Для разрешения этого вопроса, по его мнению, необходимы «основательные исследования технологии и морфологии массового материала для сравнения этих двух типов» [Там же, с. 47].

* Corresponding author.

В настоящей работе представлены материалы наиболее ранних неолитических комплексов с плоскодонной посудой северо-восточного побережья оз. Мергенъ (Нижнее Приишимье) — Мергенъ 3, 7, 8. По поселению Мергенъ 3 приводятся как опубликованные данные раскопок 1990 г. [Зах, Скочина, 2004], так и новые, полученные в ходе исследований 2019 г. под руководством С.Н. Скочиной. Памятники Мергенъ 7 и 8 исследовались в 2011, 2013 и 2015 гг. авторами настоящей статьи. Актуальность работы лежит в плоскости обозначенной выше проблематики.

Нижнее Приишимье (Мергенский АМР) расположено на границе двух культурно-исторических зон. С одной стороны это периферия Среднего Зауралья с его особенностями развития древних обществ, ориентированных преимущественно на юго-западный-западный вектор связей (Южный и Средний Урал), а с другой — лесостепное Прииртышье и Бараба — территории развития западносибирских неолитических традиций. В ландшафтном отношении нижнее течение р. Ишим относится к северной лесостепи и соответственно на юге граничит со степным Петропавловским Приишимьем, а на севере с подтаежным Прииртышьем.

Методика

В работе приведены данные по основным имеющимся на сегодняшний день информационным блокам — поселения и домостроительство, керамика, каменный инвентарь.

Домостроительные традиции рассмотрены с позиций тщательного анализа планиграфии и стратиграфии сооружений, а также с учетом разработанной классификации археологических объектов, типологии жилищ народов Сибири, а также наработок в области реконструкции особенностей приемов домостроения в древности [Еньшин, 2014]. Керамические комплексы в целом проанализированы с позиций сочетания элементов двух подходов: формально-классификационного и историко-культурного [Цетлин, 2017, с. 94–95, 261–265]. Определение типов отдельных морфологических элементов форм и орнаментов на сосудах осуществлялось согласно классификациям В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, предложенным для интерпретации бобрыкинских комплексов [2010, с. 230–231]. При анализе техники нанесения орнамента на поверхности сосудов использовались такие понятия, как «отступающе-прочерченная», «прочерченная», «накольчатая»¹. Необходимо отметить, что в данной работе термин «отступающе-прочерченная техника» рассматривается как синоним используемому некоторыми исследователями понятию «отступающе-накольчатая техника» и «отступающая палочка» и подразумевает движение орнамента без отрыва от поверхности с периодическим нажатием. Данные о гончарном производстве получены по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978, 1999]. Интерпретация полученных сведений основывалась на гипотезе о происхождении гончарства А.А. Бобринского [Бобринский, Васильева, 1998, с. 211; Бобринский, 1999, с. 77–82], а также на предположении И.Н. Васильевой, основанном на версии А.А. Бобринского и результатах изучения керамики нео-энеолитического периода, об эволюции представлений древнего населения о видах исходного пластичного сырья и параллельном совершенствовании обжига [Васильева, 2015; 2017, с. 109–110; и др.].

Анализ каменного инвентаря проводился методами типологии, трасологии, а также с привлечением данных петрографии и бинокулярной микроскопии (визуальное сопоставление сырья).

Основная часть

Поселения и домостроительство. На северо-восточном побережье оз. Мергенъ открыты три поселения с жилищами рассматриваемого времени — Мергенъ 3, 7, 8. Все они являются многослойными и исследованы частично, поэтому говорить о планировке поселений пока не приходится. Расположены на I озерной террасе высотой около 4 м от современного уреза воды и на удалении от него от 150 (Мергенъ 3) до 600 м (Мергенъ 8). Примечательно, что расстояние между поселениями не превышает 300 м.

Всего на сегодняшний день изучено 4 жилищных котлована (рис. 1). Кроме того, исследованиями 2019 г. на поселении Мергенъ 3 было зафиксировано, по всей видимости, полное перекрытие еще одного такого жилища более крупной постройкой периода среднего неолита (с гребенчатым керамическим комплексом). Анализ планиграфии и стратиграфии внутри котлована позволил установить сохранность раннеэнеолитических отложений на полу (из них получена серия дат по углю), соотносимых с двумя развалами керамики, аналогичной комплексам из исследованных ранее сооружений (раскопки В.А. Заха 1990 г.). Необходимо также отметить, что на поселении Мергенъ 7

¹ Далее также: о/п — отступающе-прочерченная техника, п — прочерченная, н — накольчатая.

отмечено вторичное использование раннеолитического котлована (с сохранением первоначальных контуров) в период среднего неолита (середина V тыс. до н.э., козловский комплекс) в качестве одной из камер жилища 1. На поселении Мергенъ 8 зафиксировано частичное перекрытие раннеолитического котлована постройкой V тыс. до н.э. (дата по углю, гребенчатый керамический комплекс). Вместе с тем, несмотря на воздействие в последующие периоды функционирования поселенческих площадок, подземные части всех исследованных на сегодняшний день строений этого периода типологически единообразны. Они имеют округлую форму, углублены в материк на 0,4–1,1 м. Площадь варьируется от 45 до 68 м² (рис. 1).

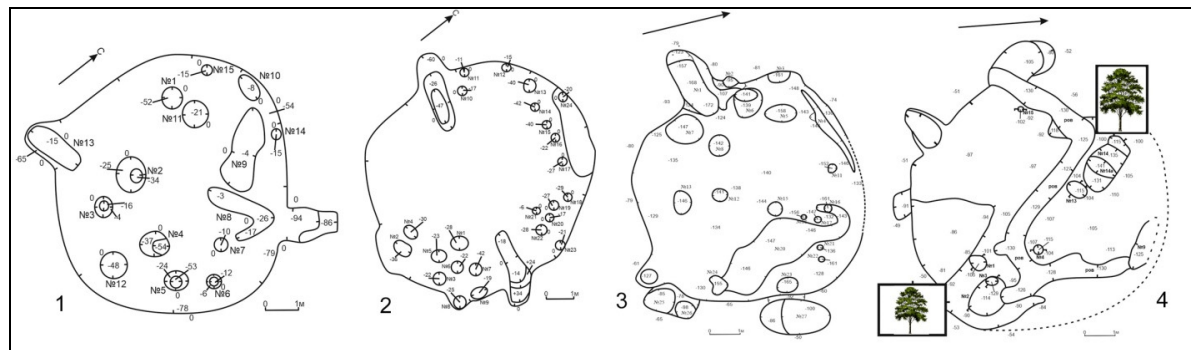

Рис. 1. Котлованы жилищ: 1, 2 — Мергенъ 3 [Зах, Скочина, 2004]; 3 — Мергенъ 7; 4 — Мергенъ 8.
Fig. 1. Pits of dwellings: 1, 2 — Mergen 3 [Zakh, Skochina, 2004]; 3 — Mergen 7; 4 — Mergen 8.

Отличительной чертой котлованов является наличие вытянутых зачастую противоположащих выступов-ниш (2–3), длиной от 1,5 до 2 м, шириной от 1 до 1,5 м. Они зафиксированы во всех жилищах. Общая ориентация этих выступов-ниш в конкретных природных условиях может быть определена в целом как «в сторону озера и от него» — ЮЗ–СЗ и ЮВ–СВ. Они интерпретируются как выходы/кладовые с попеременным использованием в разные периоды года (в зависимости от сезонных температурных колебаний, изменений розы ветров и т.д.).

Еще одной особенностью некоторых жилищ этого времени является наличие канав/рвов, связанных с нишами-выступами и приочажными зонами. Так, в полу котлована жилища 1 поселения Мергенъ 3 зафиксирована V-образная канавка (рис. 1, 1), ориентированная расходящимися «лучами» к центру жилой площадки, а точкой их схождения — к выступу за пределы котлована в его восточной части. Ее глубина до 0,3 м, ширина 0,3–0,5 м, длина наибольшего «луча» 1,7 м. В жилище 1 поселения Мергенъ 8 выявлена Z-образная канава/ров, соединявшая, по всей видимости, две противоположащие ниши через центр котлована (рис. 1, 4). Ее ширина в среднем 0,5 м, глубина от уровня материка 0,3–0,4 м, а общая протяженность 15 м. Основное заполнение — темно-серый суглинок с углистыми включениями.

В полу котлованов также отмечены немногочисленные столбовые ямы, расположение которых позволяет предположить наличие каркасно-столбовых конструкций (высотой до 2 м в высшей точке), предположительно состоящих из многоугольных основного и центрального каркасов или центрального каркаса и одной-двух центральных опор.

Керамика. Керамический комплекс был проанализирован по жилищам, однако гомогенный характер позволяет рассматривать его суммарно. Вся коллекция представлена 67 сосудами, которые довольно сильно фрагментированы. К категории «археологически целый» (венчик + шейка + тулово + дно) можно отнести лишь 8 емкостей.

В морфологическом отношении комплекс делится на две подгруппы: баночные и профилированные емкости (горшечные) — соответственно 32 (48 %) и 35 (52 %) (рис. 2, 3). По форме выделено три типа венчиков: отогнутый, прямой, закрытый. Превалируют открытые емкости — 56 ед. (83 %). Вторую позицию занимает прямая форма — 9 изделий (13 %). Срез венчика в основном округлый (55/82 %), редко — уплощенный (10/15 %), единично — приостренный (2/3 %).

В подгруппе емкостей горшечной формы выделены два типа шеек: вогнутая и прямая. Преобладают сосуды с вогнутой шейкой (32/91 %) (рис. 2, 1, 4, 9–11; 3, 1, 3, 7, 8). Кроме того, единично отмечен такой морфологический элемент, как «воротничок».

В коллекции присутствуют фрагментированные и целые донышки от 24 изделий. Большая часть — плоские (21 ед.). Выделено три типа: с округлым наплывом (12 ед.), без наплыва (5 ед.)

и с поддоном (4 ед., согласно классификации доньшек боборыкинских сосудов В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой). Доньшки округлой и приостренной формы представлены фрагментами трех емкостей небольших размеров с диаметром устья 10–15 см (рис. 2, 6, 8). При этом округлые имеют уплощенный профиль.

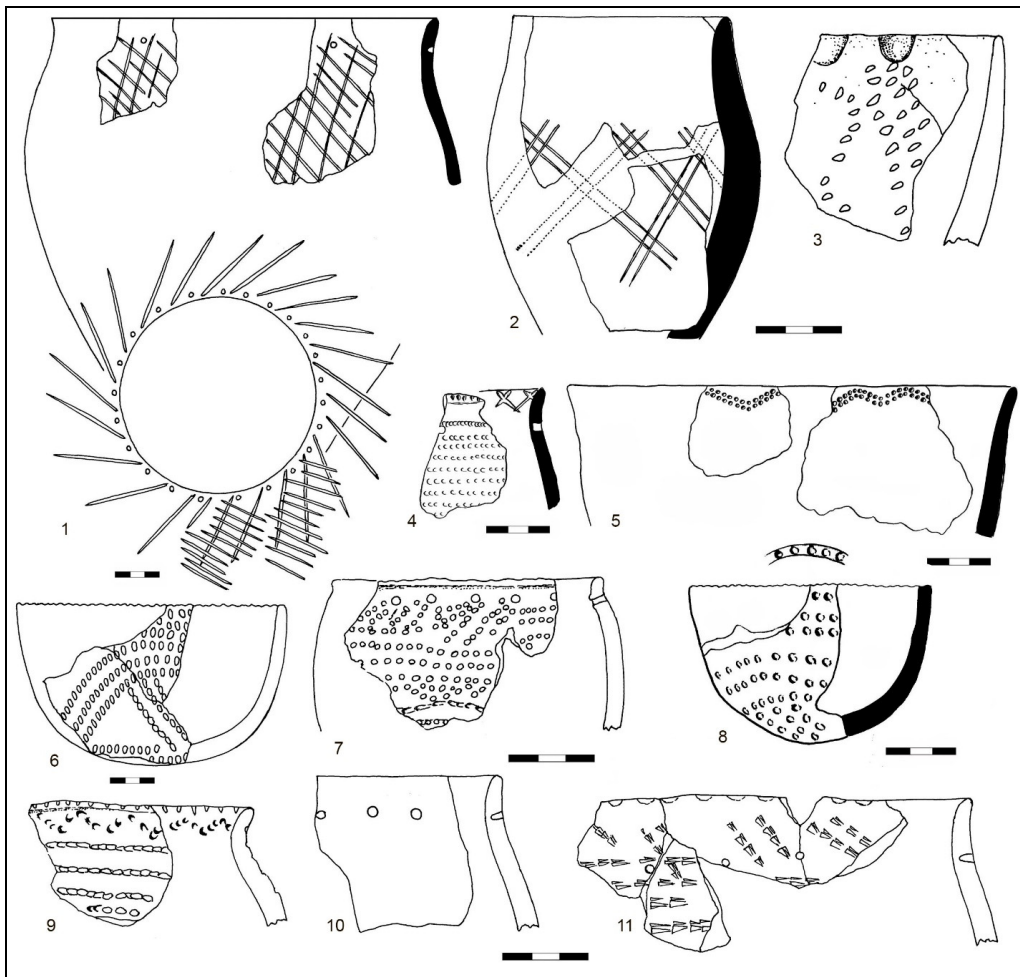

Рис. 2. Керамический комплекс поселения Мерген 3 [Зах, Скочина, 2004].

Fig. 2. Ceramic complex of the settlement Mergen 3 [Zakh, Skochina, 2004].

Отличительной чертой коллекции является значительная доля сосудов без орнамента (15/28 %). На остальной части емкостей (52/72 %) отмечается разреженный или плотно расположенный декор. Ввиду фрагментарности изделий приблизительную организацию размещения изображений на уровне «бордюрная зона/верхняя треть, полная орнаментация» удалось предположить у 27 (52 % от подгруппы с орнаментом). Преобладают емкости с локализацией декора в бордюрной зоне/верхней трети (19/70 % от определяемой подгруппы). Для гончаров также было традиционным выделение бордюра особым декором (например, из наклонных прямых) (рис. 2, 11), горизонтальным разделителем (горизонтальный зигзаг, пояс ямочных вдавлений и т.д.) (рис. 2, 5, 9; рис. 3, 9), пустым пространством (рис. 2, 4).

В качестве орнамента использовались стержни с округлым, плоским и раздвоенным рабочим краем, а также трубчатая косточка. Превалирует использование стержня с округлым рабочим краем (47/90 %). На двух сосудах отмечено сочетание следов применения разных инструментов: с округлым и плоским рабочим краем, с округлым рабочим краем и естественный орнамент.

Декор выполнен в трех техниках: накол (32/61 %) (рис. 2, 3, 5–8; 3, 3–6), прочерчивание (23/44 %) (рис. 2, 1, 2; 3, 6, 9, 10) и отступление с прочерчиванием (13/25 %) (рис. 2, 4, 9, 11; 3, 2, 8, 9). При этом выделено две подгруппы сосудов: оформленные в одной технике (монотехническая) и сочетанием техник (политехническая). Монотехническая подгруппа насчитывает 37 емкостей (71 %), основу состав-

Комплексы с плоскодонной керамикой начала VII тыс. до н.э. ...

ляют накол (20/38 %) и прочерчивание (12/23 %). Соответственно в политехническую входят 15 сосудов с четырьмя вариантами сочетаний: п+н (7/13 %); н+о/п (4/8 %), п+о/п (3/6 %); п+н+о/п (1/2 %). В целом отметим, что преобладающими являются техники накола и прочерчивания, совокупно составляя в общей доле орнаментированных емкостей 74 % (с учетом обеих подгрупп).

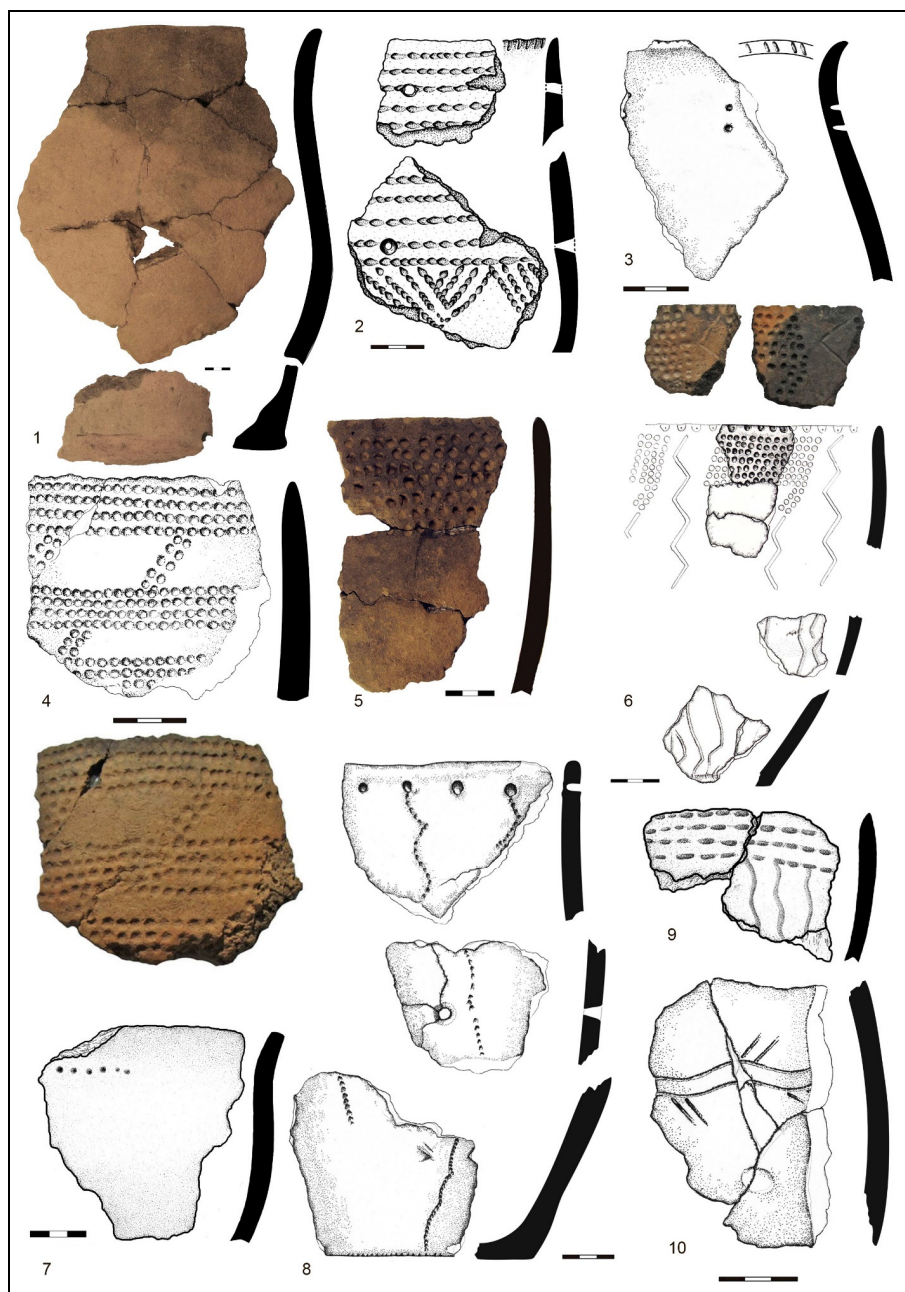

Рис. 3. Керамический комплекс поселений Мерген 7, 8.
Fig. 3. Ceramic complexes of the settlements Mergen 7, 8.

Исходя из элементной базы комплекс изделий с орнаментом был также разделен на две подгруппы: сосуды с «простой» орнаментацией и емкости с «усложненными» изображениями. К первой категории отнесены композиции, составленные из простых элементов и их сочетаний, ко второй — включающие геометрические фигуры, нестандартные конфигурации элементов и т.д.

Подгруппа с простой орнаментацией представлена 29 изделиями (56 %), на которых в качестве элементов отмечены прямые линии, зигзаг и отдельные ямочные вдавления. Преобладает линейный орнамент. Емкостей, украшенных только прямыми линиями, насчитывается 15 (51 % в

подгруппе). Линии наносились в двух вариантах ориентации: в горизонтальной (по 3–4 в бордюрной зоне либо в виде протяженных мотивов по всей поверхности) и в наклонной (в виде пояса из отрезков в бордюрной зоне). Присутствует сочетание этих вариантов нанесения прямых линий, дополненное горизонтальным рядом наколов под поясом наклонных линий в бордюре.

Зигзаг как единственный элемент декора, нанесенный в один и два ряда в бордюрной зоне под венчиком, присутствует лишь на 2 сосудах подгруппы. На 4 сосудах зигзаг нанесен в сочетании с мотивами из горизонтальных прямых линий или одиночных поясов ямочных вдавлений. Зигзагом преимущественно оформлялась бордюрная зона орнаментального поля (рис. 2, 5, 9).

Одной из отличительных черт подгруппы является также присутствие сосудов горшечной формы, по шейкам которых нанесен горизонтальный ряд разреженных ямочных вдавлений в одиночном или сдвоенном варианте (8/28 %) (рис. 2, 10; 3, 3).

Подгруппа с усложненной орнаментацией насчитывает 23 емкости (44 % от группы с орнаментом). Основу декора этих сосудов составляют геометрические фигуры (треугольники, ромбы, параллелограммы) и косая (ромбическая) сетка (рис. 4).

Декор в виде ромбической сетки занимает орнаментальное поле на 3 изделиях (рис. 2, 1, 2; 4, 2, 3, 18). В двух случаях в бордюрной зоне поверх сетчатого орнамента нанесен пояс из разреженных ямочных вдавлений. Треугольные фигуры, ориентированные вершиной вниз, присутствуют на 7 сосудах (рис. 3, 2; 4, 5, 6, 11, 16). В трех случаях декор представлен только ими в виде фестонов в бордюрной зоне под краем венчика. На остальных сосудах пояса треугольников вписаны в линейные, единично — в линейно-зигзаговые композиции. Примечательно, что включенные в композиции ленты треугольников имели два варианта локализации: бордюр (под краем венчика), нижняя часть орнаментального поля (тулово). Все треугольные фигуры «заполнены»: в 6 случаях — косой штриховкой, в 1 — вложенными друг в друга углами. К декору в геометрическом стиле отнесены изображения еще на 2 сосудах. На первом в бордюрной зоне нанесены два близкорасположенных горизонтальных зигзага, образующих пояс ромбовидных фигур. На втором орнаментальное поле занято мотивом из монотонных горизонтальных прямых, в котором присутствуют пустые пояса. Внутри них в шахматном порядке нанесены сдвоенные наклонные прямые так, что между ними образовались фигуры в виде параллелограммов из пустого пространства (рис. 3, 4; 4, 7).

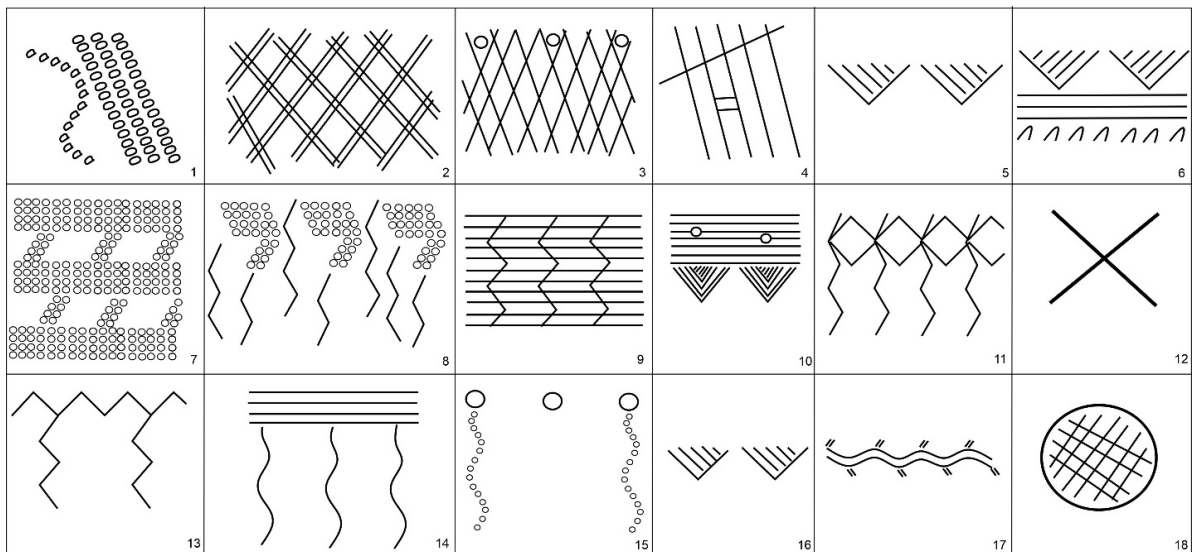

Рис. 4. Схемы усложненных орнаментальных элементов и композиций на сосудах:

1–7 — Мерген 3; 8–13 — Мерген 7; 14–18 — Мерген 8.

Fig. 4. Schemes of complicated ornamental elements and compositions of vessels:

1–7 — Mergen 3; 8–13 — Mergen 7; 14–18 — set. Mergen 8.

В декоре 7 емкостей присутствуют вертикальные элементы в виде зигзагов и волнистых линий. Вертикальный зигзаг присутствует на 4 сосудах. В двух случаях он выступает как своеобразный разделитель. В одном вертикальные зигзаги спускаются от края венчика и в бордюрной зоне пересекают точки соприкосновения ромбовидных фигур, образующих горизонтальный пояс (рис. 4, 11).

В другом зигзаги также спускаются от края венчика между четырехугольными фигурами (параллелограммы, составленные горизонтальными прямыми), от углов которых отходят короткие сдвоенные наклонные (рис. 3, 6; 4, 8). Еще на одном сосуде вертикальные зигзаги отходят от нижних углов горизонтального зигзага в бордюрной зоне, опускаясь к дну (рис. 4, 13). На четвертом сосуде вертикальный зигзаг от края венчика пересекает мотив в виде горизонтальных прямых линий (рис. 4, 9).

Волнистые линии встречены лишь на 4 сосудах. В одном случае они отходят от ямочных вдавлений, нанесенных горизонтальным поясом в бордюрной зоне, опускаясь к дну (рис. 3, 8; 4, 15), в другом — отходят от расположенного там же пояса из четырех горизонтальных прямых (рис. 3, 9; 4, 14). На третьем волнистая линия нанесена в наклонном варианте в составе композиции с наклонными прямыми (рис. 2, 3; 4, 1). Необходимо отметить также наличие на одном из крупных фрагментов стенки неустановленного сосуда орнамента в виде горизонтальной сдвоенной волнистой линии с отходящими от углов сдвоенными короткими прямыми (рис. 3, 10; 4, 17).

Декор на одном сосуде восполнен в виде крупного креста (рис. 4, 12). На оставшихся емкостях изображения носят аморфный характер (рис. 2, 6; 4, 4).

В целом соотношение основных элементов в комплексе выглядит следующим образом: прямая линия — 23 сосуда (44 %), разреженные ямочные вдавления — 15 сосудов (29 %), зигзаг — 12 сосудов (23 %), геометрические фигуры (треугольник, ромб и др.) — 10 сосудов (19 %), ромбическая сетка — 3 сосуда (6 %), волнистая линия — 4 сосуда (8 %).

Кроме основного орнаментального поля на емкостях (бордюрная зона, шейка, тулово, придонная часть) декор присутствовал на таких участках, как наплыв, закраина и само дно, внутренняя часть под срезом венчика и сам срез. Закраины и наплывы донышек оформлялись насечками либо наколами. Орнаментация дна зафиксирована на одном изделии, представлена в виде косой ромбической сетки в прочерченной технике.

Срез венчика оформлен у 25 емкостей (37 %) — в основном насечками (21 ед.). Единично отмечены наколы и V-образные элементы. Внутренняя часть декорирована у 20 сосудов (30 %). Основным элементом оформления этой зоны является горизонтальная линия из близко поставленных мелких наколов или насечек (16 ед.). Единично присутствует горизонтальный зигзаг.

У 8 сосудов краю венчика придан волнистый характер путем воздействия на него с двух сторон в шахматном порядке: в двух случаях — нанесением наколов, в шести — вдавлениями пальцами гончара.

Кроме того, следует отметить сочетание на одной емкости двух техник при нанесении одного элемента орнамента — «перетекание» наколов в прочерчивание.

Предварительные результаты исследования технологии изготовления керамики. Технично-технологическому анализу подвергнуты 32 разных сосуда (31 — фрагменты верхних частей, 1 — фрагмент орнаментированной стенки), происходящих с поселений Мергень 3 (11 изд.), Мергень 7 (10 изд.), Мергень 8 (11 изд.).

В целом, по изученному материалу выявлено применение в качестве исходного пластичного сырья (далее — ИПС) глиноподобного сырья, предположительно илистых глин² (31 сосуд, или 96,9 %), единично зафиксировано использование природной ожелезненной глины (1 сосуд, 3,1 %). Оба вида сырья использовались в состоянии естественной влажности. В качестве минеральных естественных примесей илистые глины и глина содержат различное количество окатанного полупрозрачного песка размером в основном 0,1–0,2 мм, включения оолитового бурого железняка. Кроме того, в илистых глинах содержатся окатанные комочки чистой глины размером до 3,0 мм. В изломах сосудов, изготовленных из илистых глин, зафиксированы органические естественные компоненты в виде отпечатков измельченных обрывков стеблей и листьев растений размером от 0,3–0,5 до 5,0 мм, отпечатков нитевидных водорослей длиной до 7,0 мм. В изломах 12 фрагментов сосудов обнаружены обломки и целые включения чешуи и/или косточек рыб размером до 4,0 мм.

Анализ степени запесоченности ИПС показал, что массово гончарами поселений отбирались илистые глины сильной степени запесоченности. Природная ожелезненная глина также сильно запесоченная. Лишь мастера поселения Мергень 7 отдавали предпочтение слабо запесоченному сырью.

Анализ состава формовочных масс показал наличие в изломах всех сосудов некалиброванного шамота с размером частиц от менее 0,5 до 6,0 мм, добавлявшегося в концентрации от

² Подчеркнем, что в настоящей работе приведены результаты предварительного анализа керамических комплексов изученных поселений. Полагаем, что обнаружение потенциальных источников сырья, которые могли использоваться древними поселенцами побережья оз. Мергень, а также качественная и количественная оценка естественных органических компонентов, содержащихся в современных илах и илистых глинах, позволят в будущем уточнить сделанные выводы.

1:4 до 1:6, единично зафиксированы случаи использования данной примеси в соотношении 1:7 и в виде единичных включений. В качестве органической примеси отмечено применение растворов, фиксирующихся в изломах по наличию пустот, стенки которых покрыты пленками бесцветными или черными, имеющими глянцевый или матовый блеск.

По изломам некоторых крупных фрагментов зафиксировано использование при конструировании сосудов строительных элементов в виде лоскутов, т.е. небольших порций формовочной массы. Следует отметить, что в изломе фрагмента сосуда с поселения Мергень 3 (орнамент отсутствует), изготовленного из глины, под срезом венчика обнаружено наличие канальца от выгоревшего шнура, диаметр которого в поперечном сечении составлял около 2,0 мм. Интерпретация функции, которую выполнял шнур на определенном этапе конструирования изделия, на настоящий момент затруднительна.

Заключение о механической обработке поверхностей изученных сосудов удалось сделать не по всем изделиям, ввиду плохой сохранности поверхностных слоев. Поверхности сосудов, происходящих со всех поселений, обрабатывались путем простого заглаживания инструментами с твердой рабочей поверхностью, предположительно шпателями, а также уплотнялись скорее всего твердым гладким инструментом.

Придание прочности и водонепроницаемости стенок сосудов осуществлялось путем термической обработки. Поверхности изученных фрагментов сосудов чаще всего пятнистые, реже полностью осветлены или темно-серого цвета. Окрашенность изломов 23 изученных фрагментов двух- или трехцветная (осветленные участки мощностью от 0,3 до 3,0–5,0 мм примыкают в основном к внешней поверхности или и к внешней, и к внутренней стенкам изделий), что указывает на обжиг сосудов в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды с кратковременным действием температур каления глины (не ниже 650 °С). По семи фрагментам сосудов выявлен однотонный темно-серый цвет изломов, что свидетельствует об обжиге изделий в условиях восстановительной атмосферы без воздействия температур каления. По двум фрагментам сосудов сделать заключение о данной ступени гончарного производства не удалось, так как они попадали в зону действия высоких температур повторно, в результате чего произошло осветление на всю толщю черепка. Таким образом, цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов указывают на то, что термическая обработка проводилась в простых обжиговых устройствах — кострищах или очагах.

Каменная индустрия. Репрезентативными для каменной индустрии являются материалы поселений Мергень 3 и 8 (492 ед.). Базовым сырьем для изготовления изделий служил кварцевый песчаник (45–80 %), остальные породы представлены в меньшей степени (яшмы и яшмоиды — до 23,5 %, кремневые серпентиниты — до 19 % и т.д.). Согласно данным петрографического анализа, кварцевые песчаники имеют местное русловое происхождение, яшмоиды тяготеют к Южно-Уральской яшмовой провинции, а присутствующие серпентиниты — к Казахскому мелкосопочнику.

Облик каменного инвентаря демонстрируют следующие комплексы: технологический (нуклеусы, нуклеидные сколы, пластинчатые сколы, отщепы без ретуши, чешуйки, ретушеры) — до 54 %, пластинчатый — до 38 %, орудийный отщеповый — до 13 %, шлифованный — до 4,5 %, абразивный — 2 %. Основным типом скола-заготовки для изготовления орудий служили пластины шириной до 1 см (до 59 %). Орудийный набор разнообразен (пластины с ретушью, концевые скребки, скребки на отщепах, острия и т.д.), что обусловлено в первую очередь стационарным характером поселений. Архаичные формы представлены пластинами с притупленной спинкой, с резовым сколом, с ретушированной выемкой на продольном крае и скошенным острием, но не образуют представительных серий (всего 9 ед.).

Хронология. Для поселений Мергень 3, 7, 8 получены радиоуглеродные даты по 11 образцам угля и 1 образцу керамики, отобранным из котлованов 4 сооружений. Их анализ дан в обобщающей работе по хронологии неолита Нижнего Приишимья [Еньшин, Скочина, 2023b]. На основании имеющихся значений время функционирования рассматриваемых поселений отнесено к первой четверти VII тыс. до н.э. Хронологические позиции исследуемых комплексов подтверждены и стратиграфически — перекрытие культурными отложениями среднего и позднего неолита. Облик каменного инвентаря демонстрирует определенные раннеолитические черты — высокая доля микролитовидности пластин (до 59 %) и единичное присутствие архаичных форм, что рассматривается исследователями в качестве маркеров мезолитической традиции [Дрябина, Нохрина, 1986; Ковалева, 1989; Сериков, 1993; Шаманаев, 2002]. Перечисленные черты определяют как особенность каменной индустрии раннего неолита, имеющей тенденцию к единообразию, типичным проявлением которой является стандартизация производства [Шаманаев, 2002; Скочина, 2017; Юракова, Марочкин, 2020].

Обсуждение и результаты

Таким образом, наиболее ранние неолитические комплексы (начало VII тыс. до н.э.) Мергенского АМР имеют следующие характеристики:

— жилищные котлованы округлой формы (площадью до 68 м²), углубленные до 1 м, с противоположащими нишами-выступами и канавами в полах (рис. 1);

— преимущественно открытые толстостенные плоскодонные сосуды горшечно-баночных форм, с округлым срезом венчиков, орнаментом, выполненным в накольчатой или прочерченной технике, расположенным в верхней трети емкостей. Около трети изделий не орнаментированы. Основными элементами декорирования выступают прямая линия, разреженные ямочные вдавления, зигзаг. Около половины орнаментированных емкостей имеют композиции, усложненные геометрическими фигурами (треугольники, ромбы, параллелограммы), ромбической сеткой и т.д. (рис. 2, 3);

— для изготовления сосудов гончарами массово отбирались илистые глины, к которым при составлении формовочных масс добавлялись шамот и органические растворы. Конструирование сосудов осуществлялось с помощью лоскутов. Обработка поверхностей производилась путем заглаживания и последующего уплотнения. Обжиг сосудов проходил в простых обжиговых устройствах чаще всего с кратковременным действием температуры каления глины (не ниже 650 °С);

— доминирующим сырьем в каменной индустрии выступает местный русловой кварцевый песчаник (45–80 %). Кроме него присутствуют породы, относящиеся к Южно-Уральской яшмовой провинции, Казахскому мелкосопочнику. Комплекс пластинчатый с преобладанием изделий шириной до 1 см (до 59 %) и характеризуется сочетанием мезолитических и раннеолитических черт.

Представленные материалы имеют хронологический приоритет перед опубликованными ранее с поселения Мергенъ 6, включающими плоскодонные сосуды группы I [Еньшин, 2021], однако составляют с носителями традиции изготовления последних единое целое в культурном отношении. Это прослеживается на морфологическом, орнаментальном и технологическом уровне гончарства, а также в элементах домостроения [Еньшин, Сковина, 2023а].

Кроме того, материалы поселений Мергенъ 3, 7, 8, судя по всему, синхронны барабинским раннего неолита (барабинская неолитическая культура). Несмотря на то, что массивы и мергенских и барабинских дат имеют значительные колебания [Молодин и др., 2020, с. 78; Еньшин, Сковина, 2023а, с. 47–48], в качестве вероятного времени синхронизации бытования этих комплексов на данном этапе, скорее всего, следует считать первую четверть VII тыс. до н.э., что позволяет интерпретировать их как наиболее ранние в неолите лесостепной зоны Западной Сибири. Традиция изготовления плоскодонных емкостей, а также использование в орнаментации таких элементов, как треугольные фигуры, ромбическая сетка, сближают их. Однако имеются и существенные, на наш взгляд, различия. В морфологическом отношении «мергенские» сосуды преимущественно открытые с выраженными шейками, округлым срезом венчика и орнаментацией в верхней трети, в то время как «барабинские» преимущественно закрытого типа, с венчиком, «часто расформированным в плоскую площадку», с вытянутым, одутловатым туловом, резко сужающимся к придонной части [Мыльникова и др., 2019; Молодин и др., 2020]. В технологическом отношении отличительной чертой барабинских комплексов фактически выступает лишь использование формовочного шнура. В остальном же приемы изготовления емкостей схожи. Отметим лишь, что мергенские гончары при создании плоскодонных изделий в качестве ИПС использовали илистые глины и, единично, илы (например, группа I, пос. Мергенъ 6) [Илюшина, 2022, с. 125]. Для барабинских же исследователи указывают суглинки [Мыльникова и др., 2019, с. 21].

Примечательно, что технико-технологический анализ раннеолитической кошкинской округлодонной (пос. Мергенъ 6, группа II) и плоскодонной (комплексы Мергенъ 3, 6 (группа I), 7 и 8) посуды продемонстрировал сходство этих гончарных традиций с небольшими различиями, отразившимися в степени запесоченности исходного сырья и обжиге. Добавим, что идентичные приемы изготовления сосудов боборыкинской культуры отмечены в материалах пос. Ук 6 в лесостепном Притоболье [Васильева, 2011, с. 122]. Сходство прослежено и с более поздними плоскодонными комплексами Северного Казахстана, интерпретируемыми исследователями как боборыкинско-кошкинские [Шевнина, 2019, с. 105–109].

Полученные на данный момент результаты анализа плоскодонной керамики с поселений Мергенъ 3, 7, 8 подтверждают сделанные ранее по материалам поселения Мергенъ 6 выводы, в частности тезис о том, что в Нижнем Приишимье уже на стадии раннего неолита традиция изготовления глиняной посуды была на высоком уровне развития. На это указывает массовое распространение в среде древних гончаров представлений об илистых глинах как сырье для ее

изготовления, составы формовочных масс исключительно с минеральной примесью, частично сформированные навыки придания прочности изделиям. Полученные данные не противоречат заключению И.Н. Васильевой о том, что лесостепная зона Зауралья входила в культурно-историческую зону гончарства, зарождение которого было основано на использовании илов в качестве сырья для производства посуды [2011, с. 121]. Сведения, полученные в процессе анализа керамики с поселений на озере Мergenъ, позволяют уверенно включать в данную зону и территорию Нижнего Приишимья. Появление же гончарства в барабинской лесостепи исследователи считают явлением автохтонным [Молодин и др., 2020, с. 80].

Что касается домостроительных традиций, то для барабинской культуры характерны котлованы подпрямоугольной формы, углубленные в материк до 0,5 м (см., например, материалы пос. Тартас-1 [Юракова, 2017, с. 85; Молодин и др., 2020, с. 71]), тогда как для мергенских поселений этого же времени — основательно углубленные оригинальные котлованы округлой формы с выраженными противолежащими нишами и канавами в полу. Кроме того, отличительной чертой барабинских поселений являются комплексы ям для квашения рыбы, отмеченные авторами исследований как связующие традиции хозяйствования раннеэолитического населения Барабы и более древнего, периода плейстоцена [Молодин и др., 2020, с. 81]. Такие устройства не зафиксированы ни на одном из 5 раннеэолитических поселений на оз. Мergenъ с совокупной исследованной площадью около 2,5 тыс. м².

Таким образом, не вступая в дискуссию о механизмах появления гончарства в Зауралье и Западной Сибири, на данном этапе исследований, вслед за В.И. Молодиным, нужно говорить, по всей видимости, о западносибирской общности неолита с плоскодонной керамикой, в которую входят «отдельные культурные образования» [Там же, с. 80–81], одним из которых являются комплексы раннего неолита оз. Мergenъ. Стоит также отметить, что контакты между мергенскими и барабинскими коллективами в VII тыс. до н.э. случались, о чем могут свидетельствовать единичные плоскодонные сосуды с морфологией, присущей емкостям Барабы, и каналчиками от сгоревшего шнура в венчиках комплексов пос. Мergenъ 3 и 6. Однако основными векторами контактов являлись западный и юго-западный, что отразилось в тенденции сырьевых и интенсивности культурных связей на протяжении VII тыс. до н.э. Наиболее близкие аналогии керамике комплексов Мergenъ 3, 7, 8, на наш взгляд, прослеживаются в материалах поселения Юртобор 3 (Нижнее Притоболье), который исследователи интерпретируют как боборыкинский [Зах, 2009, с. 150; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 131; Мосин, 2018, с. 58; Шорин, 2020, с. 130].

Заключение

Полученный в 1990 г. плоскодонный комплекс поселения Мergenъ 3 В.А. Зах отнес к раннему неолиту, основываясь фактически лишь на стратиграфических наблюдениях. Типологические особенности комплекса позволили провести аналогии с боборыкинскими материалами пос. Юртобор 3 [Зах, Скочина, 2004]. Боборыкинскую атрибуцию мергенской посуды не отрицали В.Т. Ковалева и С.Ю. Зырянова [2010]. Исследования последних лет значительно расширили источниковую базу и позволили подтвердить правомерность данных сопоставлений, основываясь на сходстве (до идентичности!) орнаментации и морфологии посуды, технологии ее изготовления, а также домостроительных традиций. Остается проблема хронологических сопоставлений. Как отмечает В.И. Молодин с коллегами, «боборыкинская культура Зауралья является завершающей стадией данного явления (бытования традиции изготовления плоскодонных сосудов. — *Авт.*) для западносибирского неолита. Об этом свидетельствует морфология керамики, технология ее изготовления, выглядящая значительно более завершенной, чем ранняя, и имеющиеся радиоуглеродные даты» [Молодин и др., 2020, с. 80]. Не оспариваем данный тезис, но со своей стороны вновь поднимаем вопрос: где же начало самой боборыкинской культуры? На наш взгляд, логично было бы рассматривать плоскодонные комплексы раннего неолита Тоболо-Ишимья в этом ракурсе — как маркеры появления данной традиции в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири и выделения ее раннего этапа.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. С. 193–217.

Комплексы с плоскодонной керамикой начала VII тыс. до н.э. ...

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 103–124.

Васильева И.Н. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М.: ИА РАН, 2015. С. 16–23.

Васильева И.Н. Гончарная технология ранненеолитического населения Подонья // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 109–123.

Дрябина Л.А., Нохрина Т.И. Мезолитические традиции в технике обработки камня в эпоху неолита в Южном Зауралье // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск, 1986. С. 162–168.

Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергенъ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.

Еньшин Д.Н. Неолитический керамический комплекс поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье (группы I и II): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 5–19. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-1>

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Нижнее Приишимье в социокультурном пространстве зауральского неолита (по данным Мергенского АМР) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023а. № 3 (62). С. 5–13. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-1>

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Хронология неолита Нижнего Приишимья (по данным Мергенского АМР) // УИВ. 2023б. № 1 (78). С. 46–54. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-46-54](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-46-54)

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мергенъ 3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 4. С. 37–57.

Илюшина В.В. Ранненеолитический керамический комплекс поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье: Технологический аспект // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 120–134. <https://doi.org/10.24852/pa2022.3.41.120.134>

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. №7: Археология и этнография. С. 69–93. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93>

Мосин В.С. Сравнительная хронология зауральского неолита: лес-степь // XXI Урал. археол. совещание: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во СГСГУ, 2018. С. 57–59.

Мосин В.С. Ранний неолит Зауралья: Современные проблемы интерпретации // В познании дописьменного периода истории / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Изд-во «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», 2021. С. 40–48.

Мильникова Л.Н., Молодин В.И., Бобров В.В., Стефанов В.И. Керамика эпохи раннего неолита Западной Сибири: (Результаты термического анализа) // УИВ. 2019. № 4 (65). С. 17–29. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-17-29](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-17-29)

Сериков Ю.Б. Первобытная техника, хозяйство и быт мезолитического населения Среднего Зауралья // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье: УИФ Наука, 1993. С. 16–26.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Шорин А.Ф. Плоскодонная посуда эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири: история формирования основных концепций ее изучения // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 125–138. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-125-138>

Юракова А.Ю., Марочкин А.Г. Сравнительный анализ каменных индустрий поселений «плоскодонного неолита» Барабы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 176–190. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-176-190>

ИСТОЧНИКИ

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017.

Шевнина И.В. Керамика эпохи неолита Тургайского прогиба: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019.

Шаманаев А.В. Каменные индустрии мезолита — раннего бронзового века Нижнего Приоболья. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Скочина С.Н. Каменная и костяная индустрия в эпоху неолита лесостепного Приишимья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

Complexes with flat-bottomed pottery from the early 7th millennium BC settlements of the Mergen archaeological microdistrict (the Lower Ishim River basin)

An analysis was carried out on the materials from the settlements of the Early Neolithic period at Lake Mergen (Mergen 3, 7, 8) in the Lower Ishim River basin (Western Siberia). The aim of the research was the consolidation of the obtained data and its preliminary correlation with synchronous complexes of the forest-steppe zone of the Trans-Urals and Western Siberia. The source base of the work was constituted by the Early Neolithic pottery collections, stone goods, and planigraphic drawings of the archaeological sites. The pottery-making traditions of the ancient population were analysed from the standpoint of syncretising two approaches — formal classificatory, and historical and cultural — in several stages: comparative-typological analysis of the morphology and ornamentation, and preliminary conclusions of the technical-technological investigation of artefacts. The stone goods are presented from the results of the typological and traceological investigation and using the data of the petrography. The house-building traditions have been considered in terms of a thorough analysis of the planigraphy and stratigraphy of the buildings, as well as taking into account the established classification of the archaeological sites. As the result, it has been found that for the ancient communities at Lake Mergen characteristic were the dwellings with ditches of a rounded shape, contralateral recessions, and drains in the floors. Predominant were open thick-walled flat-bottomed pottery vessels of potted-jar-like shapes, with a rounded cut of the rims, ornamentation, in the stroke or streak technique. About a third of the items were without ornamentation. The straight line, sparse pitted indentation, and zigzag constitute the principal element of decoration. Nearly half of the ornamented vessels feature compositions elaborated with geometrical figures (triangles, rhombi, parallelograms), rhombic lattice etc. As the raw moldable material in the ware fabrication, potters used highly oversanded silty clays, to which chamotte and organic compound were added. Scrap was the main building material. The firing was carried out in the natural conditions under the effect of temperatures no less than 650°C. The dominant raw material in the stone industry is represented by local run-of-river quartzose sandstone. Also identified were rocks related to the South-Urals jasper province, Kazakh Uplands. The complex is lamelliferous, dominated by the items of a width up to 1 cm (60%). On the basis of the obtained data, there has been established the chronological priority of the considered materials with respect to the complex of the settlement of Mergen 6, whilst in the pottery making the link with its pottery group I (Boborykino). There have been confirmed the analogies with the Boborykino complex of the settlement of Yurtobor 3 (the Lower Tobol River basin). A hypothesis has been drawn on the synchronicity with the Barabino antiquities (the Barabino Culture of the Neolithic), similarity of the Neolithic with flat-bottomed pottery with them within the Western Siberian affinity, but not on the cultural unity.

Key words: Early Neolithic, Western Siberia, Mergen, flat-bottomed ceramic complexes.

Funding. The work was carried out according to state order No. 121041600045-8.

REFERENCES

- Bobrinskii, A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bobrinskii, A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). In: *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*, 5–109. (Rus.).
- Bobrinskii, A.A., Vasilyeva, I.N. (1998). On some features of plastic raw materials in the history of the pottery production. In: I.B. Vasiliev, A.A. Vybornov, P.P. Barynkina (Eds.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 193–217. (Rus.).
- Dryabina, L.A., Nokhrina, T.I. (1986). Mesolithic Traditions in the Technology of Stone Processing in the Neolithic Age in the Southern Trans-Urals. In: *Problemy arkheologii Severnoy i Vostochnoy Azii*, 162–168. (Rus.).
- Enshin, D.N. (2014). Neolithic dwellings of the settlements of Lake Mergen. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 24(1), 14–23. (Rus.).
- Enshin, D.N. (2021). Neolithic ceramic complex of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim (groups I and II): Characteristics and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 5–19. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-1>
- Enshin, D.N., Skochina, S.N. (2023a). The Lower Ishim Basin in the Sociocultural Space of the Trans-Ural Neolithic (based on data from the Mergen archaeological microregion). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 62(3), 5–13. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-1>
- Enshin, D.N., Skochina, S.N. (2023b). The Lower Ishim region Neolithic chronology (data from the settlements of the Mergen archaeological microdistrict). *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 78(1), 46–54. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-46-54](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-46-54)
- Ilyushina, V.V. (2022). Early Neolithic ceramic complex of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim: Technological aspect. *Povolzhskaya arkheologiya*, 41(3), 120–134. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/pa2022.3.41.120.134>
- Kovaleva, V.T. (1989). *Neolithic of the Middle Trans-Urals*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu. (2010). *The Neolithic Period of the Middle Urals: Boborykino culture*. Ekaterinburg: Uchebnaya kniga. (Rus.).

* Corresponding author.

Molodin, V.I., Myl'nikova, L.N., Nesterova, M.S., Kobeleva, L.S., Nenakhov, D.A. (2020). Baraba Culture of Early Neolithic Period. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 19(7), 69–93. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93>

Mosin, V.S. (2018). Comparative chronology of the Trans-Ural Neolithic: Forest-steppe. In: A.A. Vybornov (Ed.). *XXI Ural'skoe arkhologicheskoe soveshchanie: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Samara*, 57–59. (Rus.).

Serikov, Yu.B. (1993). Primitive technology, economy and life of the Mesolithic population of the Middle Trans-Urals. In: L.N. Koryakova (Ed.). *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'ye*. Ekaterinburg, 16–26. (Rus.).

Shorin, A.F. (2020). Flat-Bottomed Ceramics of the Neolithic in the Trans-Urals and Western Siberia: The History of the Formation of the Basic Concepts of Its Study. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 19(7), 125–138. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-125-138>

Tsetlin, Iu.B. (2017). *Ceramics: Concepts and Definitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAN. (Rus.).

Vasilyeva, I.N. (2015). Raw materials for Neolithic ceramics and their distribution in the Volga region. In: Iu.B. Tsetlin (Ed.). *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkhologii*. Moscow: IA RAN, 16–23. (Rus.).

Vasilyeva I.N. (2017). Pottery technology of the early Neolithic population Podon'ya. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 20(3), 109–123. (Rus.).

Yurakova, A.Yu., Marochkin, A.G. (2020). Comparative analysis of the stone industries of the settlements of the “flat-bottomed Neolithic” of Baraba. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 19(7), 176–190. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-176-190>

Zakh, V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zakh, V.A., Skochina, S.N. (2004). The settlement Mergen 3. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 37–57. (Rus.).

Еньшин Д.Н., <https://orcid.org/0000-0001-6970-2359>

Скочина С.Н., <https://orcid.org/0000-0001-8162-4779>

Илюшина В.В., <https://orcid.org/0000-0003-1517-0101>

Сведения об авторе:

Еньшин Дмитрий Николаевич, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Скочина Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Илюшина Виктория Владимировна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Enshin Dmitry N., Researcher, Tyumen Scientific Centre of the SB RAS, Tyumen.

Skochina Svetlana N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Ilyushina Viktoria V., Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 28.09.2023

Article is published: 15.12.2023